

ГОСТИНАЯ

Надо заметить, что в последнее время драматические труппы из Франции, в отличие от балетных коллективов, редкие гости на столичной сцене. Поэтому особенно приятно, что в самом начале гастрольной осени столичные театралы получили подарок — Французский культурный центр в Москве и Государственный Театр Наций попотчевали их

рь 1999 года

чрезвычайно изысканным блюдом — спектаклем театра "Нантер-Амандье" "Игра любви и случая" Мариво.

Когда-то Лев Николаевич Толстой, будучи в Париже, посмотрел спектакль "Комеди Франсез" по другой пьесе Мариво "Ложные признания" и отозвался о нем в своем дневнике: "Прелесть элегантно-сти!". Эти слова классика русской литературы можно с чистой совестью, не боясь преувеличений, отнести и к постановке театра "Нантер-Амандье". Кстати, его нынешний руководитель (он сменил на этом посту Патриса Шеро) и режиссер спектакля "Игра любви и случая" Жан-Пьер Венсан связан с Домом Мольера, можно сказать, родственными отношениями: он на протяжении трех лет, с 1983 по 1986 год, возглавлял прославленную труппу. В бытность его руководителем "Комеди Франсез", театр в 1985 году приезжал в Москву, и мы имели возможность увидеть спектакля Венсана "Мизантроп" Мольера.

Тогда от этой постановки всемирно известного театра (во всяком случае у автора данных строк) осталось противоречивое впечатление — как от посещения грандиозного неотопливаемого музейного зала, из которого вынесли часть экспонатов. Спектакль чем-то напомнил постановку радиотеатра — потрясающая культура речи при усыпляющей аморфности происходящего на сцене в целом. Вполне возможно, что эти, пятнадцатилетней давности, впечатления и не точны. Трудно представить, что такой мастер интриги и диалога (стремительного, парадоксального, изящного), каким является сегодня Жан-Пьер Венсан, мог выстроить такое вялое действие. Полагаю, что от меня, зрителя этого спектакля 1985 года, что-то существенное для его восприятия ускользнуло.

Но нужно обладать абсолютным отсутствием слуха, чтобы с первого же выхода на сцену исполнителей

Прелесть элегантности

спектакля "Игра любви и случая" не ощутить всей легкой прелести этого аристократически изысканного в своей простоте театрального действия. Наверное, так и нужно играть Мариво, раскрывающего на страницах своих пьес искусные рафинированные секреты любовных игр молодых людей из высшего общества, Мариво, чье творчество берет начало в поэтической традиции Расина и устремляется в направлении того театра, который век спустя создаст другой великий француз — меланхолик, поэт и романтик Альфред де Мюссе.

В спектакле Венсана все — сценография, актерское исполнение, четкий рисунок мизансцен несут на себе печать утонченной изысканности и сдержанной простоты, подобной той, с какой мы сталкиваемся во французской архитектуре эпохи рококо, сочетающей в себе пышность внутреннего убранства и строгость внешнего облика зданий. Оформление сцены (декорации — Жан-Поль Шамбас) — белый павильон со словно вырезанным в мир огромным проемом окна, из которого периодически появляются герои, напоминает типичный современный европейский интерьер и в то же время в нем есть что-то от застывшей отчужденности пространства произведений сюрреалистов, оживляющегося на протяжении спектакля жи-

вописной игрой света и тени.

Иногда кажется, будто герои постановки Венсана сошли с картин Фрагонара, а иногда создается впечатление, что причудливая вязь бликов и теней, словно спроецировалась на сцену с ренуаровского полотна "Качели". Взаимодействие разных стилей и эпох распространяется здесь и на способ существования артистов, безупречно владеющих мастерством маривоодажа, искусством диалога, введенным в оборот Мариво. Незатейливая и по современным понятиям устаревшая интрига — герои-аристократы, которым предстоит пожениться, для того, чтобы по-настоящему узнать друг друга, переодеваясь слугами, а те соответственно занимают места своих господ — находит у Венсана, казалось бы, совсем простое решение.

Аристократизм — это безыскусность. Противоположностью и смешным оказывается любой человек, очутившийся не на своем месте. Поэтому главные герои спектакля Сильвия (Каролин Пруст) и Дорант (Жером Киршер) играют своих героев современными юношей и девушкой. Этого Доранта вполне можно принять за сегодняшнего обитателя Латинского квартала, а такую Сильвию, с ее порывистой пластикой, можно встретить на любой из Парижских улиц. И в то же время в самом характере их взаимоотношений, в их блистательных словесных поединках угадывается изящная наивность галантных пасторалей Ватто.

Их слуги, благодаря капризу судьбы, заступившие на места своих хозяев, не уступают господам в искусстве ведения диалога и вербальных пикировок. Оба, и бойкая на язык, романтическая, знающая себе цену Лизетта (Анн Кайер), и смысленный, практичный Арлекин (Давид Гуйе), сняв с головы парики (кстати, условные, как и все костюмы, аксессуары и грим исполнителей), надетые на них поначалу вопреки их желанию, сразу же становятся не менее изящными в своей органике, чем толкнувшие их на путь обмана Сильвия и Дорант.

Но за простодушной идеей — каждый хорош на своем месте — в спектакле открывается и другое: по-настоящему сложные человеческие взаимоотношения, игра не только "любви и случая", но и своевольных характеров, амбиций, претензий, самолюбий и так далее, всего того, что составляет подоплеку любых самых прелестных внешне отношений. То, что в хрупкой и утонченной форме удавалось комедиям Мариво — математически точная психологическая разработка характеров и механизма переживаний — с той же глубиной постижения парадоксальной логики влюбленных сердец, удалось и спектаклю театра "Нантер-Амандье".

Спектаклю, обладающему редкой (во всяком случае для России) культурой современного воплощения классики. Спектаклю, где ничто насильственно не притянута к сегодняшнему дню и где режиссер, казалось бы, беспечно манипулируя со временем, сочленяя эпохи и стили, создает целостное и соразмерное произведение, отличающееся классической стройностью, барочной пышностью и импрессионистской легкостью, словом — прелестью элегантности!

Алла МИХАЛЕВА

Экран и сцена -
1999. - окт. (№ 37-
38). -